

мови та китайської класичної поезії й естетики. **Висновки** – в китайській класичній поезії семіотика образу тісно пов'язана з поетикою і естетикою стародавньої китайської літератури. Виявлено головні етапи трансформації семантичного ядра образу, наведено зміни в символіці: гусь – не тільки омріяний загальною культурною свідомістю традиційний вісник сумних новин, не тільки символ зцілення надією, але й образ мужньої відмови від очікування щастя поетом, який продовжує жити і творити.

Ключові слова: образ, символ, інваріант, лінгвоестетика, семантична модель, Лі Цінчжао, Шицзин.

Victoria I. LIPINA

doctor of philological sciences, Professor, chairperson of the department of comparative Oriental and English philological studies at Oles Honchar Dnipro National University, Gagarin avenue, 72, Dnipro, 49010, Ukraine, tel.: +38 (056) 374-98-78; E-mail: kafedra_upf@i.ua; ORCID ID: 0000-0001-9089-5159

Hanna V. DASHCHENKO

candidate of philological sciences, Associate Professor at the department of comparative Oriental and English philological studies at Oles Honchar Dnipro National University, Gagarin avenue, 72, Dnipro, 49010, Ukraine, tel.: +38 (056) 374-98-78; E-mail: kafedra_upf@i.ua; ORCID ID: 0000-0003-3432-3679

**LINGUISTIC AND AESTHETIC ASPECTS OF THE IMAGE OF GOOSE
IN CHINESE CLASSICAL POETRY**

Annotation. *The aim of the research* is to reveal the linguoesthetic parameters of the artistic image of «goose» that was central in the system of the Chinese classical poetics. *The object of study* is Chinese classical poetry («Shijing», genres *shi* and *ci*), *the subject* is the semantic and symbolic transformation of the goose image in the history of Chinese classical poetry. *The material of the study* is a body of classical poems written by Cao Zhi, Du Fu, Huang Tingjian and Li Qingzhao. *The result of the research* outlines the transformation of the core invariant of the goose imagery in the process of the Chinese literary development. *Practical application* of research: the results contribute to the studies of the history of the Chinese language and literature. **Conclusions:** the semiotics of the “goose” imagery is closely related to the poetics and aesthetics of ancient Chinese literature. However the historical transformations of the semantic core of the imagery reveal conceptual changes: «goose» is represented not only as a traditional messenger of sad news that is rooted in a common cultural consciousness, not only as a sign of healing by hope, but also as an image of courageous rejection of hopeful expectations by a poet who continues to live and create.

Key words: image, symbol, invariant, linguoesthetic, semantic model, Li Qingzhao, Shijing.

Надійшла до редколегії 02.04.2018

<https://doi.org/10.15421/251809>

УДК 811. 161. 1'367

МЕНЬШИКОВ Игорь Иванович

доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славянского языкознания Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара; пр. Гагарина, 72, г. Днепр, 49010, Украина; тел.: +38(056) 374-98-80; E-mail: iimdn@gmail.com; ORCID ID 0000-0001-8994-2958

**ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ
ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
КАК СИНТАКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ**

Аннотация. *Цель исследования* – построить систему дифференциальных признаков предложения. *Объект изучения* – дефиниции предложения как синтаксической единицы, приведенные в наиболее авторитетных лингвистических изданиях, *предмет* – множество параметров и характеристик предложения, включенных в его определение. *Материал исследования* – восемь академических дефиниций предложения. *Методы* – описательный, сопоставительный и структурно-математический. В *результате* сформирована система ДП, включающая в себя только два компо-

нента: предикативность, функциональность. *Практическое применение* – возможность построения точного и однозначно толкуемого определения предложения. *Выводы:* 1) в качестве дифференциальных признаков той или иной лингвистической единицы следует квалифицировать такие, которые обладают в своей совокупности одновременно четырьмя их параметрами: значимостью, определённой функциональностью и эффективностью; 2) самыми важными ДП, абсолютно необходимыми применительно к дефиниции предложения, являются коммуникативная функция и коммуникативная задача вместе со специфическим именно для предложения таким его ДП, как предикативность; 3) рабочему определению предложения поставлена в соответствие следующая формулировка: Предложение – это слово или некоторая последовательность слов предикативного характера, выполняющая коммуникативную функцию и как единица общения имеющая определённую коммуникативную задачу.

Ключевые слова: дефиниция предложения, дифференциальные признаки, предикативность, функциональность, коммуникативная задача.

Постановка проблемы. Предложение традиционно квалифицируется как основная коммуникативная единица языка и фундаментальная категория синтаксиса. И вполне естественно, что построение предложения, как считает В. В. Виноградов, является одним из самых важных, самых существенных элементов грамматического строя языка [3, с. 65]. И это суждение учёного касается, надо полагать, не только собственно построения, но и практически всех иных аспектов предложения, в том числе его дефиниции и комплекса основных параметров предложения, а также его дифференциальных (различительных) признаков. И нужно отметить, что, как это ни странно, общепринятого определения предложения до сих пор нет, хотя разными лингвистами, как это, в частности, фиксируют В. А. Звегинцев [6, с. 156] и А. М. Ломов [8, с. 248], построено несколько сот соответствующих толкований. При этом приведенные в целом ряде даже весьма авторитетных изданий дефиниции не могут быть безоговорочно приняты либо в силу сложности их понимания и восприятия, а отсюда и использования в практической работе с ними, либо в силу введения в дефиницию нечётко определяемых понятий и терминов, а также из-за языковой небрежности, либо, наконец, в силу субъективности, а иногда и предвзятости каких-то суждений автора дефиниции, в особенности тогда, когда строятся отдельные определения для простого и сложного предложений, как это практикуется в последних по времени публикации трёх академических грамматиках русского языка.

Связь с предыдущими исследованиями. В Грамматике русского языка (1952–1954; 1960) даётся такое, ещё общее для простого и сложного предложений, определение:

Предложение – это грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли [3, с. 65].

В грамматиках, изданных в 1970 [4], 1980 [13] и 1990 [14] годах, простому предложению ставится в соответствие отдельная дефиниция, отличная от дефиниции, ориентированной на предложение сложное. Так, в Грамматике современного русского литературного языка мы читаем:

«Простое предложение – это самостоятельная синтаксическая единица сообщения, грамматическим значением которой является предикативность, а формой – минимальная структурная схема с принадлежащей ей системой собственно грамматических средств для выражения синтаксических времён и наклонений» [4, с. 544].

«Сложное предложение – это сочетание предикативных единиц, построенное по той или иной структурной схеме и предназначенное для функционирования в качестве целостной единицы сообщения» [Там же, с. 653].

В Русской грамматике 1980 года простое предложение – это такое высказывание, которое образовано по специально предназначенной для этого структурной

схеме, обладает грамматическим значением предикативности и своей собственной семантической структурой, обнаруживает эти значения в системе синтаксических форм (в парадигме предложения) и в регулярных реализациях и имеет коммуникативную задачу, в выражении которой всегда принимает участие интонация [13, с. 89–90]; сложное предложение – это целостная синтаксическая единица, представляющая собой грамматически оформленное сочетание предложений и функционирующая в качестве сообщения о двух или более ситуациях и об отношениях между ними [Там же, с. 461].

В Русской грамматике 1990 года аналогичная, особенно в части, касающейся простого предложения, пара дефиниций:

Простое предложение – это такая единица сообщения, которая построена по специально предназначенному для этого структурному образцу, обладает грамматическим значением предикативности и своей собственной семантической структурой, обнаруживает эти значения в системе синтаксических форм (в парадигме предложения) и в регулярных реализациях и имеет коммуникативную задачу, в выражении которой всегда принимает участие интонация [14, с. 412].

Сложное предложение – это грамматическое, интонационное и смысловое единство, состоящее из двух и более простых предложений, связанных союзами и союзными словами [Там же, с. 514].

В энциклопедии «Українська мова», как и в уже упомянутой Грамматике русского языка, построена общая для простого и сложного предложений дефиниция с акцентированием, правда, в ней несколько иных, нежели в трёх только что приведенных определениях, параметров. На языке оригинала эта дефиниция имеет такой вид:

РЕЧЕННЯ – основна синтаксична одиниця, що позначає ситуацію (або взаємопов'язані ситуації), вказує на відношення повідомлюваного до дійсності, характеризується неперервністю синтаксичних зв'язків і семантико-синтаксичних відношень, а також є відносно завершеною одиницею спілкування та вираження думки [17, с. 509].

С подобными, а зачастую и с ещё менее строгими дефинициями основной коммуникативной единицы мы сталкиваемся в различного рода справочниках, словарях, учебниках и учебных пособиях, а также в целом ряде научных публикаций.

Постановка задачи исследования. Привести и проанализировать не только все, но и сколько-нибудь значительную часть соответствующих определений мы по понятным причинам не можем (отметим только, что во многих из них чаще всего речь идёт, хотя и с использованием разных слов, практически об одном и том же как в плане содержания, так и в плане выражения), поэтому детально анализируем только приведенные выше дефиниции (будем называть их базовыми), построенные в наиболее авторитетных, с нашей точки зрения, изданиях и ориентированные обычно на лиц, которые имеют то или иное отношение к проблемам языковедения, и в частности синтаксиса, а значит, могут разобраться в сущности как уже канонизированных суждений, так и в сопутствующей этим суждениям критике, исходя не только из собственно лингвистического смысла того или иного построения, но и из общей логики вещей.

Прежде всего хотелось бы отметить, что, независимо от наличия или отсутствия отдельных и противопоставленных друг другу определений простого и сложного предложений, должна быть построена единая дефиниция предложения вообще, предложения как синтаксической единицы любого её конкретного типа и подтипа, если соответствующая речевая цепь в принципе квалифицируется в качестве предложения, или какого-либо его аналога, и в частности в качестве предикативной зоны как фрагмента некоего речевого произведения, представляюще-

го собой минимальное по протяжённости синтаксическое образование с замкнутыми синтаксическими связями, обозначенное в своих границах знаками препинания или каким-то иным способом и включающее в себя указание на наличие в этом образовании временной и модальной соотнесённости её содержания с действительностью [9, с. 18].

Цель настоящей статьи – указать на такие параметры, а соответственно и дифференциальные признаки (ДП) предложения, которые, с одной стороны, давали бы возможность различать предложения и синтаксические единицы, не являющиеся предложениями, а с другой – чётко квалифицировали бы в качестве предложений того или иного их типа любые речевые цепи, а равно и их фрагменты, объективно формирующие множество основных коммуникативных единиц какого-то конкретного языка, и в частности русского, а потому и называемые предложениями.

Изложение основного материала. Слово *дифференциальный* в его первом значении толкуется, согласно Словарю русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой, как *различный, неодинаковый при разных условиях* [15, с. 404]. В том же словаре при этом, наряду со словом *различный, т. е. неодинаковый в чём-то, несходный, разный* [16, с. 612], фиксируется в отдельной словарной статье и лексема *различительный*, толкуемая как указывающий на различие между кем-, чем-л., с иллюстрацией к этому толкованию: *Различительный признак* [Там же, с. 612]. О. С. Ахманова же в своём Словаре лингвистических терминов определяет прилагательное *дифференциальный* как такой, который служит для различения, который обеспечивает (создаёт) различие [1, с. 139]. Думается в связи с этим, что и определяющий компонент в словосочетании типа *дифференциальный признак* следует толковать не как различный, а как различительный, т. е. не такой, который указывает на какие-то разные признаки описываемого явления (их может быть очень много, и носить они могут самый разнообразный характер, вплоть до количества морфем или фонем в заданной конструкции), а такой, который, во-первых, чётко обозначен в его сути, во-вторых, является принципиально важным, существенным лингвистическим параметром детерминированного объекта, в-третьих, отличает этот объект от всех других объектов, входящих в общее с описываемым явлением множество признаков, и, наконец, характеризует описываемое явление как реальную единицу человеческого общения. Отсюда можно, по-видимому, определиться и с комплексом принципиальных (во всяком случае для лингвистики, и в частности при толковании предложения) требований к системе его дифференциальных признаков, включающей в себя такие параметры, а соответственно и различительные признаки дефинируемой синтаксической единицы, которые, как это нам представляется, должны быть: 1) однозначно детерминированы содержательно (**определённость**), 2) быть принципиально важными для всего множества описываемых явлений (**значимость**), 3) реально обладать способностью различать и противопоставлять друг другу различные объекты как разных, так и одного и того же их множества (**эффективность**), 4) характеризовать некое синтаксическое явление как реальную единицу человеческого общения (**функциональность**). И нужно отметить, что эти признаки универсальны и должны соотноситься с каждым конкретным предложением и с любым его типом.

Аналогичная система ДП предложения, правда, из трёх параметров: предикативность, коммуникативность, функциональность, – строилась лингвистами и раньше [10; 11, с. 130], но строилась она главным образом с установкой на фиксацию минимального количества собственно различительных признаков.

Достаточно адекватную систему ДП для отдельных типов сложного предложения (бессоюзного, сложносочинённого и сложноподчинённого) построила Т. В. Жеребило [5, с. 28–30]. К сожалению, эта система носит сугубо фрагментарный характер и лишь выборочно характеризует некоторые классы сложного предложения, не описывая набором дифференциальных признаков в качестве отдельной синтаксической единицы ни простого предложения, ни предложения вообще. Не все к тому же признаки, декларируемые как дифференциальные, реально таковыми не являются, как это, например, имеет место при описании сложносочинённых предложений неоднородного состава и тех же предложений однородного состава. В словаре-справочнике Т. В. Жеребило противопоставление сложносочинённых предложений неоднородного и однородного состава в сути своей представлено таким набором ДП:

ССП неоднородного состава

- 1) закрытость структуры
- 2) смысловое неравноправие частей
- 3) широкий круг союзных средств связи
- 4) различная оформленность частей
- 5) различные интонационные типы

[5, с. 30].

ССП однородного состава

- 1) открытость структуры
- 2) смысловое и грамматическое равноправие частей
- 3) узкий круг союзных средств связи
- 4) одинаковая оформленность частей
- 5) перечислительная интонация

[5, с. 30–31].

Универсальность этих признаков сомнительна, и ни одна их пара не может характеризовать предложение вообще, хотя и противопоставляет друг другу его отдельные классы по каким-то их параметрам.

Обратимся теперь к базовым дефинициям основной коммуникативной единицы и посмотрим, что в этих дефинициях следует квалифицировать как ДП собственно предложения.

В качестве признаков, общих для всех высказываний, Русская грамматика-80 квалифицирует: 1) грамматическую связанность слов; 2) коммуникативную функцию; 3) интонацию; 4) способность соединяться с другими высказываниями в составе текста [13, с. 84]. Предложению же (его базовым понятием можно, по-видимому, считать простое предложение, которое, как это отмечено в Русской грамматике-90, является центральной грамматической единицей синтаксиса [14, с. 405]) поставлены в соответствие следующие только ему принадлежащие весьма существенные языковые характеристики: 1) наличие в его грамматической основе структурной схемы; 2) наличие иерархически связанных друг с другом языковых значений; 3) способность к формальным изменениям, не свойственным другим видам высказываний или не регулярным у них; 4) свои правила распространения; 5) возможность варьировать порядок слов и актуализировать информативный центр высказывания [13, с. 84].

В приведенных выше и многих опубликованных в иных изданиях дефинициях предложения акцентируются с разной степенью категоричности ещё и такие его параметры, как целостность, относительная завершённость, непрерывность синтаксических связей и семантико-синтаксических отношений, связь с мышлением, предикативность, соотносённость со структурной схемой, регулярная реализация структурной схемы предложения и его парадигма, семантическая структурированность, предикативность, связь с мышлением, наличие системы выражения синтаксического времени и наклонения, парадигма предложения, наличие коммуникативной задачи, интонация и др.

При теоретико-множественном объединении приведенных трёх групп параметров предложения в общий гипотетический перечень его дифференциальных

признаков мы зафиксируем в этом перечне такие различительные и лингвистически значимые характеристики основной коммуникативной единицы языка:

1. Возможность варьировать порядок слов и актуализировать информативный центр высказывания. 2. Грамматическая связанность слов. 3. Интонация. 4. Коммуникативная функция. 5. Наличие в грамматической основе предложения структурной схемы. 6. Наличие иерархически связанных друг с другом языковых значений. 7. Наличие коммуникативной задачи. 8. Непрерывность синтаксических связей и семантико-грамматических отношений. 9. Предикативность. 10. Регулярная реализация структурной схемы предложения и его парадигма. 11. Связь с мышлением. 12. Семантическая структурированность. 13. Способность соединяться с другими высказываниями в составе текста. 14. Способность к формальным изменениям, не свойственным другим видам высказываний или нерегулярным в них. 15. Целостность и относительная завершённость и др.

Полученное множество ДП построено нами в виде эксперимента и поэтому весьма условно, заведомо включая в себя не только различительные, но и просто различные признаки предложения, не каждый из которых будет, по всей вероятности, отвечать четырём сформулированным выше требованиям, предъявляемым к такого рода конструкту: определённости, значимости, эффективности и функциональности, – а соответственно функционировать в качестве признака дифференциального и гарантированно противопоставлять предложение как синтаксическую единицу словосочетанию и любому другому соединению слов, не являющемуся предложением.

Итак, есть перечень из пятнадцати признаков русского предложения. Что же из этого перечня квалифицировать в качестве признаков дифференциальных? Прежде всего из него следует, по-видимому, убрать признаки, которые не отвечают требованию эффективности и которыми, наряду с предложением, может в определённых условиях обладать, например, словосочетание. К этим признакам мы, исходя из традиционной и принятой большинством, насколько мы обозначены, русистов трактовки словосочетания как синтаксической конструкции, образуемой соединением двух или более знаменательных слов на основе подчинительной грамматической связи [7, с. 469], относим признаки, обозначенные такими числами: 1 (варьирование порядка слов), 2 (грамматическая связанность слов), 6 (наличие иерархически связанных языковых значений), 8 (непрерывность синт. связей и семантико-грамматических отношений), 11 (связь с мышлением), 12 (семантическая структурированность), 15 (целостность и относительная завершённость). Признаки под номерами 13 (способность соединяться с другими высказываниями в тексте) и 14 (способность к формальным изменениям) тоже не могут быть квалифицированы в качестве дифференциальных в силу их недостаточной определённости. Не ясно, в частности, во-первых, можно ли отнести словосочетание к каким-то другим высказываниям, соединяющимся в тексте, а во-вторых, о каких формальных изменениях может здесь идти речь.

Несколько сложнее дело обстоит со структурной схемой предложения и с понятиями, связанными с её реализацией. По сути своей структурная схема – это некая модель предложения в том же смысле, в каком, например, дерево зависимостей является моделью графической, своего рода структурным аналогом предложения, условным, причём искусственным, метаязыковым построением, непосредственно не соотносящимся с грамматической природой предложения и в том или ином виде используемым, как это показала И. С. Попова, при описании самых разных лингвистических единиц [12, с. 303–396]. Думается поэтому, что не являются дифференциальными, поскольку не обладают таким параметром, как значи-

мость, признаки, обозначенные у нас номерами 5 (структурная схема) и 10 (её регулярная реализация и парадигма предложения).

Проблематичным нам представляется отнесение к ДП предложения интонации (позиция 3), способной маркировать ту или иную последовательность слов как речевую цепь, представляющую собой не только собственно предложение, но и какой-то его фрагмент, какую-то актуализируемую часть высказывания, не являющуюся собственно предложением (словосочетание или иную группу слов, функционирующих в качестве вводной конструкции, обращения, уточнения и т. п.).

Выводы. Если исключить из списка зафиксированных в рассмотренных нами и приведенных выше толкованиях предложения гипотетические ДП, которые, не соответствуя таким их основным параметрам, как определённость, значимость, эффективность и функциональность, различительными, по нашему мнению, не являются, мы можем принять как данность утверждение Э. Бенвениста, что единственным признаком предложения является его предикативный характер [2, с. 446], дополнив, однако, обозначенный Э. Бенвенистом дифференциальный признак предложения ещё параметрами, указывающими на функциональность этой синтаксической единицы, и прийти к системе, которая включает в себя только три абсолютно обязательных признака предложения: 1) предикативность как отношение содержания сообщаемого к действительности, 2) коммуникативная функция как способность быть единицей общения и 3) коммуникативная задача как целевая установка высказывания. И, опираясь на эти дифференциальные признаки, мы, полагая их наиболее значимыми лингвистически, можем построить рабочее, во всяком случае, определение предложения как основной синтаксической единицы в такой формулировке:

Предложение – это слово или некоторая последовательность слов предикативного характера, выполняющая коммуникативную функцию и как единица общения имеющая определённую коммуникативную задачу.

Перспективы дальнейших исследований мы видим в двух направлениях. Одно из них касается разработки общей теории дифференциальных признаков лингвистических единиц. Второе направление касается упорядочения метаязыка современного синтаксиса и прежде всего тех определений и толкований, которые сопутствуют фундаментальным, по И. С. Поповой, синтаксическим категориям, таким, в частности, как единица, связь, модель [12].

Хотелось бы в заключение отметить, что мы в полной мере осознаём условность приведенного нами гипотетического перечня дифференциальных признаков предложения, который мог быть другим, и это, скорее всего, привело бы нас к какой-то иной системе соответствующих параметров и иным выводам. Но предложенные нами соображения мы квалифицируем главным образом как постановку вопроса с надеждой на то, что система дифференциальных признаков предложения как предпосылка для определения его сущности, а также для построения его строгой дефиниции ещё будет интересовать лингвистов, будет предметом их научных изысканий и экспериментов.

Библиографические ссылки

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва: Сов. энцикл., 1966. 608 с.
2. Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа. *Новое в лингвистике*. Вып. 4. Москва, 1965. С. 434–449.
3. Грамматика русского языка / под ред. В. В. Виноградова. Т. 2. Синтаксис, ч. 1. Москва: Изд-во АН СССР, 1960. 690 с.
4. Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва: Наука, 1970. 768 с.

5. Жеребило Т. В. Термины и понятия лингвистики: Синтаксис. Словарь-справочник. Назрань: ООО Пилигрим, 2011. 254 с.
6. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. Москва: МГУ, 1976. 308 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. Москва: Сов. энцикл., 1990. 688 с.
8. Ломов А. М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка. Москва: АСТ: Восток – Запад, 2007. 416 с.
9. Меньшиков И. И. Предикативная зона как фрагмент речевой цепи и синтаксическая категория. *Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія: Філологія*. Одеса, 2016. Вип. 21. Т.1. С. 17–19.
10. Меньшиков И. И., Попова И. С. Речення як предикативна, комунікативна і функціональна одиниця мовлення. Дніпропетровськ: РВВ ДНУ, 2002. 48 с.
11. Меньшиков И. И., Турута И. И. Структура предложения в современном русском языке. Дніпропетровськ: РВВ ДНУ, 2005. 28 с.
12. Попова И. С. Фундаментальні категорії українського синтаксису (одиниця, зв'язок, модель). Дніпропетровськ: ДНУ, 2009. 432 с.
13. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва: Наука, 1980. Т. 2. 710 с.
14. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой и В. А. Лопатина. Москва: Рус. яз., 1990. 640 с.
15. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. Изд. 2-е, исправл. и доп. Москва: Рус. яз., 1981. Т. 1. 696 с.
16. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. Изд. 2-е, исправл. и доп. Москва: Рус. яз., 1984. Т. 3. 750 с.
17. Українська мова. Енциклопедія / за ред. В. М. Русанівського та О. О. Тараненка. Київ: Укр. енцикл., 2000. 752 с.

Reference

1. Ahmanova, O. S. (1966), *Dictionary of the linguistic terms* [*Slovar' lingvisticheskikh terminov*], Moscow, 608 p.
2. Benvenist, Je. (1965), “Levels of linguistic analysis”, *New issues in linguistics* [“Urovni lingvisticheskogo analiza”, *Novoe v lingvistike*], Moscow, pp. 434–449.
3. Vinogradov, V.V. (1960), *Grammar of the Russian language. Syntax* [*Grammatika russkogo jazyka. Sintaxis*], Moscow, 690 p.
4. *Grammar of the modern Russian literature language* (1970) [*Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka*], Moscow, 768 p.
5. Zherebilo, T. V. (2011), *Terms and notions of the linguistics. Syntax. Reference dictionary* [*Terminy i ponjatija lingvistiki: Sintaksis. Slovar'-spravochnik*], Nazran, 254 p.
6. Zvegincev, V. A. (1976), *The sentence and its relation to the language and speech* [*Predlozhenie i ego otnoshenie k jazyku i rechi*], Moscow, 308 p.
7. *Linguistic encyclopaedic dictionary* (1990), [*Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'*], Moscow, 688 p.
8. Lomov, A. M. (2007), *Reference dictionary in the modern Russian language syntax* [*Slovar'-spravochnik po sintaksisu sovremennogo russkogo jazyka*], Moscow, 416 p.
9. Men'shikov, I. I. (2016), “Predicative zone as a fragment of speech cluster and syntactic category”, *Scientific Herald of the International Humanitarian university. Series: Philology* [“Predikativnaja zona kak fragment rechevoj cepi i sintaksicheskaja kategorija”, *Naukovii visnyk Mizhnorodnogo humanitarnogo universytetu. Seria Filologia*], Odesa, pp. 17–19.
10. Men'shikov, I. I., Popova, I. S. (2002), *The sentence as a predicative, communicative and functional unit of speech* [*Rechennja jak predikativna, komunikativna i funkcional'na odinicja movlennja*], Dnipropetrovsk, 48 s.
11. Men'shikov, I. I., Turuta, I. I. (2005), *The structure of the sentence in the modern Russian language* [*Struktura predlozhenija v sovremennom russkom jazyke*], Dnipropetrovsk, 28 s.

12. Popova, I. S. (2009) *Fundamental categories of the Ukrainian syntax (the unit, the connection, the model)* [*Fundamental'ni kategorii ukrains'kogo sintaksisu (odinicja, zv'jazok, model')*], Dnipropetrovsk, 432 p.
13. *The Russian Grammar* (1980), [*Russkaja grammatika*], Moscow, 710 p.
14. *The Russian Grammar* (1990), [*Russkaja grammatika*], Moscow, 640 p.
15. *Dictionary of the Russian language* (1981), [*Slovar' russkogo jazyka*], Moscow, 696 p.
16. *Dictionary of the Russian language* (1984), [*Slovar' russkogo jazyka*], Moscow, 750 p.
17. *The Ukrainian language. Encyclopaedia* (2000), [*Ukrains'ka mova. Enciklopedija*], Kyiv, 752 p.

МЕНЬШИКОВ Ігор Іванович

доктор філологічних наук, професор загального та слов'янського мовознавства Дніпровського національного університету імені Олеся Гончара; пр. Гагаріна, 72, м. Дніпро, 49010, Україна; тел.: +38(056) 374-98-80; E-mail: iimdn@gmail.com; ORCID ID 0000-0001-8994-2958

ДОСВІД ПОБУДОВИ СИСТЕМИ ДИФЕРЕНЦІЙНИХ ОЗНАК РЕЧЕННЯ ЯК СИНТАКСИЧНОЇ ОДИНИЦІ

Анотація. *Мета дослідження* – побудувати систему диференційних ознак речення. *Об'єкт вивчення* – дефініції речення як синтаксичної одиниці, наведені в найбільш авторитетних лінгвістичних виданнях, *предмет* – безліч параметрів і характеристик речення, включених в його визначення. *Матеріал дослідження* – вісім академічних дефініцій речення. *Методи* – описовий, порівняльний і структурно-математичний. В *результаті* сформована система ДО, що включає в себе тільки два компоненти: предикативність, функціональність. *Практичне застосування* – можливість побудови точного і такого, що однозначно тлумачиться, визначення речення. **Висновки:** 1) як диференціальні ознаки тієї чи тієї лінгвістичної одиниці слід кваліфікувати такі, які мають у своїй сукупності одночасно чотири їх параметрами: значимість, визначеність, функційність і ефективність; 2) найважливішими з них і абсолютно необхідними стосовно дефініції речення є функційність разом зі специфічною саме для речення такою його ДО, як предикативність; 3) робочому визначенню речення можна поставити у відповідність таке формулювання: Речення – це слово або деяка послідовність слів предикативного характеру, що виконує комунікативну функцію і має, будучи одиницею спілкування, певне комунікативне завдання.

Ключові слова: дефініція речення, диференційні ознаки, предикативність, комунікативна функційність, комунікативне завдання.

Igor I. MENSNIKOV

Doctor of Science, Philology, Head of the Department of General and Slavonic Linguistics of Oles Honchar Dnipro National University; Gagarin Avenue, 72, Dnipro, 49010, Ukraine; tel.: +38(056) 374-98-80; e-mail: iimdn@gmail.com; ORCID ID 0000-0001-8994-2958

EXPERIENCE OF CREATION OF SYSTEM OF DIFFERENTIAL FEATURES OF THE SENTENCE AS A SYNTACTIC UNIT

Summary. *Objective* of the study is to construct a system of differential features of a sentence. *The object of study* is the definition of the sentence as a syntactic unit, given in the most authoritative linguistic publications, *the subject* is the set of parameters and characteristics of the sentence included in its definition. *The material* of the study is eight academic definitions of the sentence. *Methods* – descriptive and comparative and structurally-mathematical. *Findings:* a DF system is formed, it includes only two components: predicative, functionality. *Practical value* – the possibility of constructing an exact and unambiguously interpreted definition of a sentence. **Results:** 1) as the differential signs of a particular linguistic unit, should be qualified those that possess in their totality simultaneously four parameters: significance, definiteness, functionality and efficiency; 2) the most important of them and absolutely necessary with respect to the definition of a sentence is the functionality together with the specific for the sentence DF such as predicativity; 3) the working definition of a sentence can be put in correspondence with the following wording: A sentence is a word or some sequence of words of a predicative character that performs a communicative function and has, as a unit of communication, a certain communicative task.

Key words: sentence definition, differential features, predicativeness, functionality, communicative task.

Надійшла до редколегії 20.04.18